

ЭГОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ю. Г. Седов

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен феноменологический анализ пространства трансцендентальной субъективности. Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы сформировать представление о внутренних пространственных структурах чистого Я. Цель данного исследования состоит в выявлении сложной природы самосознания. Для достижения поставленной цели эгологический анализ был основан на мерееологическом подходе, который подготавливает рассмотрение пространства чистого сознания с точки зрения целого, составленного из частей. Применение пространственных категорий к чистому Я основано на расширении пространства близости.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости создания эгологии пространства в целях изучения природы пространственного видения. Предлагаемое исследование делает акцент не на многообразии имеющихся в наличии пространств, а на процессе, в котором протекает их образование в субъективном пространственном видении. Влияние субъективного фактора на понимание пространства демонстрируется на примере математики. Математическое понятие «пространства близости» подвергается феноменологическому расширению, благодаря чему вскрывается феномен пространственности Я или внутреннее пространство субъекта, которое отражает иерархию предпочтений или оценок. В результате эгологического анализа была выявлена первичная пространственная структура сознания, которая представляет собой расщепление чистого Я на две части. Расщепление Я на две составные части и избрание его в виде пространственной модели со своим верхом и низом фундировано более глубоким феноменом – субъективной пространственностью.

Данная структура может служить фундаментом для последующего коррелятивного исследования объективных и субъективных факторов, влияющих на образование разнообразных эгологических конструкций. На основе анализа делается вывод о сущностной взаимосвязи чистого Я и внутреннего пространства. Важность данного вывода подкреплена анализом работ Гуссерля, в которых он затрагивает вопросы пространственности трансцендентальной субъективности.

Научная новизна предлагаемой работы состоит в том, что в эгологическое исследование вводится различие между абсолютной и относительной близостью. Только в рамках относительной близости является возможной наблюдать и систематически исследовать чистое Я. В абсолютной же позиции оно остается анонимным по причине своей крайней близости.

Ключевые слова: феноменология, мерееологический подход, пространство близости, пространственная структура сознания, эгология, разделение чистого Я.

Для цитирования: Седов Ю. Г. Эгологическое исследование феномена субъективного пространства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 84–92, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-84>.

EGOLOGICAL STUDY OF THE PHENOMENON OF SUBJECTIVE SPACE

Yu. G. Sedov

The State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russia
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Abstract. The article presents a phenomenological analysis of the space of transcendental subjectivity. The relevance of this study is to form an idea of the internal spatial structures of the pure I. The purpose of this study is to identify the complex nature of self-consciousness. To achieve this goal, the egological analysis was based on a mereological approach, which prepares the consideration of the space of pure consciousness from the point of view of the whole, composed of parts. The application of spatial categories to the pure Self is based on the expansion of the proximity space.

The results obtained indicate the need to create an egology of space in order to study the nature of spatial vision. The proposed research focuses not on the variety of available spaces, but on the process in which their formation takes place in subjective spatial vision. The influence of the subjective factor on the understanding of

space is demonstrated by the example of mathematics. The mathematical notion of “proximity space” is subjected to a phenomenological extension, which reveals the phenomenon of spatiality of the pure I, or the inner space of the subject, which reflects the hierarchy of preferences or evaluations.

The primary spatial structure of pure consciousness is revealed, which is the division of pure I into two parts. The splitting of the Self into two constituent parts and its representation in the form of a spatial model with its top and bottom is funded by a deeper phenomenon – subjective spatiality. This structure can serve as a foundation for the subsequent correlative study of objective and subjective factors influencing the formation of various egological structures. Based on the analysis, a conclusion is made about the essential relationship of the pure I and the inner space. The importance of this conclusion is supported by an analysis of Husserl’s works, in which he touches upon the issues of the spatiality of transcendental subjectivity. The scientific novelty of the proposed work is that the distinction between absolute and relative intimacy is introduced into egological research. Only within the framework of relative intimacy is it possible to observe and systematically investigate the pure I. In the absolute position it remains anonymous because of its extreme intimacy.

Key words: phenomenology, mereological approach, proximity space, spatial structure of consciousness, egology, division of pure I.

Cite as: Sedov, Yu. G. (2023) [Egological study of the phenomenon of subjective space]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 84–92, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-84>.

Введение

Успехи современных наук вынуждают по-новому взглянуть на философское понятие пространства. Для этого имеются достаточно веские основания, изложенные в настоящем исследовании, которое можно было бы назвать также «геометрией переживаний».

Как говорил Кант в трансцендентальной эстетике, мы не можем созерцать время вне нас. Однако можно с легкостью представить время в виде пространственных образов, линий, кругов, спиралей и диаграмм, делая возможным его наглядное созерцание. С помощью отрезка демонстрируются религиозные представления о начале и завершении времен, а в дополнение к этому христианство осуществляет деление отрезка пополам. Если же мы возьмем два отрезка, образующие угол, то получим восхождение человеческой цивилизации, которая достигает своей наивысшей точки, а затем наступает закат. Расширением такого понимания времени служит ломаная или волна, сигнализирующая о возможной периодичности временных интервалов, например, в виде экономических циклов. Далее, бесконечность времени может быть представлена как прямая линия, как окружность или спираль. С помощью сферы принято изображать часовые пояса, физики спорят о корректности «стрелы времени», фантасты допускают применение параллельных линий. Но с другой стороны, по мнению Канта, мы не можем созерцать пространство внутри нас [4]. Такое заявление представляется еще более сомнительным. Что означает выражение «внутри нас»? В уме, в душе или в теле? Представление о пространстве не сводится к восприимчивости и к способности человека подвергаться воздействию внешних объектов. Человек в некоторых случаях может конструировать новые пространства, отталкиваясь от чистого внутреннего созерцания воображаемых пространств. Для понимания

внутреннего пространства субъекта необходимо ограничить объективную значимость пространства и четко сформулировать идею его «трансцендентальной идеальности», независимую от условий возможного опыта.

Реализация этой идеи является главной целью настоящего исследования, в котором рассмотрена сложная природа чистого Я с использованием мереологического метода. Данный метод является наиболее адекватным для изучения пространственности чистого Я как целого, состоящего из частей.

Мереологический подход к изучению феномена субъективного пространства

Внутреннее пространство субъекта несоизмеримо физическому пространству, части которого являются внешними и безразличными по отношению друг к другу. Напротив, внутреннее пространство служит условием *мереологического* упорядочивания наших познаний, когда одни из них располагаются в «центре», а другие выносятся на «периферию» сознания.

Мереология внутреннего пространства обнаруживается с помощью дескрипции категориального синтеза, которая начинается с объектов *нижнего* порядка. Если мы возьмем конкретные объекты и попытаемся установить однозначную связь между ними, то в результате получим категориальные объекты более *высокого* порядка. Разновидностями категориальных объектов являются конъюнкции, дизъюнкции, универсалии, а также взаимосвязь целого и части. Логическая форма, запечатленная в категориальном объекте, есть лишь след, который был оставлен категориальным актом. Ум сначала выхватывает объект как целое, а затем второй акт мышления выделяет из целого один момент и фиксирует на нем внимание. Теперь этот выделенный момент есть законченный автономный акт, сохраняющий свою связь с первичным актом. А далее

подключается новый акт, синтезирующий два первых акта, в результате чего окончательно конституируется объект. В данном случае конституируется целое, составленное из своих частей.

Привлечение к настоящему исследованию учения о целом и части позволяет пролить свет на любопытнейший феномен человеческой субъективности – ее пространственность. Специфика мереологического подхода состоит в том, что принцип «существования частей» может быть рассмотрен с точки зрения самого целого, которое понимается в качестве комплекса частей, позволяющих нам «собрать» это целое [8, р. 669]. Однако здесь следует учитывать онтологическое различие между формальной и материальной мереологией. В первом случае действуют формальные законы упорядочивания частей, асимметрия и транзитивность. Во втором случае части множества имеют ограничения, ведь они не могут быть произвольно агрегированы в некое целое любым возможным способом.

Применение учения о целом и части к пространству наблюдается в трансцендентальной диалектике Канта в примечаниях ко второй антиномии, в которых выражено колебание рассудочной мысли между *compositum* и *totum*. Обе эти крайности имеют то общее, что пространство в них представляется в виде чистого априорного созерцания, из которого исключены непроницаемость, твердость, цвет, но оставлены протяжение и образ. Вскоре указанный разрыв между количественной протяженностью и качественным наполнением был замечен и подвергнут справедливой критике. В частности, Штумпф после обсуждения позиции Канта делает следующие выводы [18, р. 30]. Пространство означает позитивное содержание, а не просто отношение. Особенностью этого содержания является то, что его отдельные части выстраиваются в линию для формирования общего содержания. Пространство ничем не отличается от качеств и не требует специального объяснения. Кроме того, невозможно с помощью воображения отделить все качества от пространства и поэтому пространство не является субъективным условием формирования представлений и не сводимо к деятельности воображения.

Выявленное Штумпфом различие между самостоятельными и несамостоятельными содержаниями Гуссерль счел «крайне важными» для феноменологии и теории познания по той простой причине, что этот частный случай указывал на более общее различие, относящееся к формальной онтологии. Констатация несамостоятельности количества и качества как частей целого вовсе не отменяет прерывности, своего рода *дистанции* между ними. Впрочем, Гуссерль предусмотрительно заменил физические понятия «дистанция»,

«интервал», «промежуток» феноменологическим термином «пространственность». Этот термин обозначает и «момент ощущения» и «схватываемое пространственное» на основе созерцания, в котором выявляется объективная пространственная конфигурация [2, с. 229]. Рассмотрение самостоятельных и несамостоятельных содержаний Гуссерль дополнил указанием на расширенный смысл учения о целом и части, имея в виду различие опосредствованных и непосредственных частей целого. Часть целого называется непосредственной, если она не является частью другой части этого целого. В противном случае она рассматривается как опосредствованная часть. В результате возникают две новые пространственные характеристики сознания – *близость* и *удаленность*, определяющие ход дальнейшего исследования.

Эгологическое расширение пространства близости

Любая целостность подвержена фрагментации и всякий последующий процесс деления выявляет части, удаляющиеся от целого. Иерархия удаленности частей от целого может иметь объективные основания, как например, в случае последовательности звуков или же зависеть от субъективных предпочтений при выборе способа и очередности делений в случае фрагментации экстенсивного целого. Кроме удаленности и близости частей в их отношении к целому имеются также более близкие и более удаленные части в их отношении друг к другу. Когда Гуссерль говорит о частях, расположенных относительно друг друга ближе или дальше, он имеет в виду «сцепления», которые отражают градацию удаленности. Между тем, предложенная им дескрипция отношений частей целого упускает из виду очень важное обстоятельство. Эти отношения всегда предполагают акт сравнения и, соответственно, самого субъекта, который сравнивает. Причем участие субъекта в различных актах сравнения сопровождается включением дополнительных предположений, которые не учитываются Гуссерлем. Например, достаточно рассмотреть несколько простых суждений, основанных на отношении несимметричной синонимии:

A короче B – B длиннее A

A выше B – B ниже A

A ближе B – B дальше A.

Очевидно, что первые два суждения нейтральны, они не предполагают присутствия наблюдателя, с которым объекты *A* и *B* соотносятся. Эти объекты просто соизмеряются между собой. Но в последнем случае ситуация совершенно иная, поскольку устанавливается не близость *A* от *B*, но предполагается некий субъект (установка, точка отсчета), то есть нечто третье, с чем расстояние соизмеряется.

Влияние субъективного фактора на понимание пространства легче всего продемонстрировать на примере математики. Фундаментальные факты математического анализа целиком основываются на понятии «расстояния». Но здесь теряется существенное различие между множеством точек и самим метрическим пространством, ибо один запас точек может быть метризован разными способами в зависимости от наших потребностей и предпочтений. Благодаря этому различию становится очевидной необходимость эгологического анализа субъективных структур в математических исследованиях [16, с. 143]. Например, в случае рассмотрения пространства геометрических точек, которое не является полностью индифферентным для агента демонстрации.

Выводы математиков о том, что пространства обладают свойствами, которые можно сформулировать независимо от понятия расстояния, созвучны медитациям Хайдеггера. Обсуждая проблематику пространства, он вводит понятия «отдаленности» и «близости», которые не связаны с расстоянием. Когда речь идет о близости, величина расстояния не всегда является существенным моментом (*nicht die Größe der Abstandes ist wesentlich*) [10, р. 442]. В своих рассуждениях Хайдеггер очень часто использует слово «ближний», постепенно *приближаясь* к пониманию пространственного характера «присутствия». Это рассуждение методически ориентировано на постижение мира в качестве «ближайшего бытийного образа». В данном контексте ближайшим оказывается мир окружающий, в котором уже содержится указание на пространственность. В окружающем мире имеется свой специфический «ближайший вид обращения», выражающийся в применении орудий. Ближайший окружающий мир составляют вещи, которые используются в трудовой деятельности в качестве подручных средств. Но эти «ближайшие подручные» средства в повседневном обращении постоянно прячутся, растворяясь в процессе работы в силу того, что работа является целым, а они ее частями. Отсюда возникает закономерный вопрос, как понимать пространственную терминологию отдаленности и близости? К сожалению, используемые Хайдеггером выражения постепенно превращаются в игру слов, в особенности, когда речь заходит о возможности «ближайшим образом» понять пространственность мира. Игра словами не способствует ясности изложения проблематики субъективного пространства, но лишь затемняет суть дела, *отдаляет* понимание. На тех же основаниях можно было бы рассуждать о пространственных структурах в логике на примере ближайшего рода в определении.

Вместе с тем, в результате анализа «мирности мира» делается важный вывод о пространственности самого присутствия, характеризуемой

«направлением» и «отдалением». Интересующая нас близость служит лишь модусом отдаленности, которая, по мысли Хайдеггера, является более утонченным понятием (*Ent-fernen schärfer als Näherung*). Наиболее ценным для эгологии является наблюдение, в котором обнаруживается, что ближайшее не всегда означает минимальную дистанцию от предмета. Окончательное суждение о близости или отдаленности, например, вопрос о том, что ближе, картина на стене или очки на носу, выносит озабочившееся присутствие. Однако эти наблюдения остаются на уровне повседневности и сознательно не восходят к философской тематике *analysis situs*, поскольку главным предметом оказывается время в рамках вопроса о бытии. Кроме того, Хайдеггер не избавляется от кантовского понимания пространства, находящегося «не в субъекте». Такая трактовка упускает очевидные факты конструирования многомерных пространств и способы организации социального пространства, которые измеряются не линейкой, а оцениваются или соблюдаются, как например, дистанция между подчиненным и начальником, мужчиной и женщиной. Восприятие социального пространства с необходимостью приводит к расширению границ понимания пространства близости для субъекта. При ответе на вопрос о «кто» присутствия понятие близости в рассуждениях Хайдеггера приобретает статус экзистенциала. Но частое использование выражения «ближайшим образом» не делает его более ясным. Выражение начинает балансировать между философским термином и метафорой. Например, «кто» присутствия ближайшим образом является как онтологической, так и онтической проблемой, поскольку это присутствие ближайшим образом не есть оно само, а увязло в ближайшей повседневности. Разумеется, такого рода дефиниции не дают подлинного удовлетворения. В них не раскрывается существо «близости», а только демонстрируется многозначность данного понятия. При этом остается без внимания сам феномен пространственности чистого Я или внутреннее пространство субъекта, которое отражает *иерархию* наших предпочтений или оценок и выстраивается по принципу отдаленности и близости. В отношении объектов пространство является способностью чистого Я, которое имеет тождественное значение [9, р. 399]. К изучению близости в субъективном пространстве подталкивают также и личные местоимения. В русском языке этимология любых местоимений вполне очевидна и говорит сама за себя – *имение места*. Но за этой очевидностью скрываются другие способы пространственной активности Я, например, обращения «ты» и «вы» являются своеобразными средствами защиты и степенями дистанцирования себя от других субъектов.

В результате расширения пространства близости возникла идея *вертикали* сознания, указывающая на существование в нем глубинных и поверхностных слоев. Это идея была навеяна изучением трудов выдающегося русского философа Сергея Аскольдова по гносеологии [1], который впервые поставил вопрос о пространственных структурах чистого сознания. Отталкиваясь от психологических наблюдений, он заметил, что чистое Я есть центр сил, воздействующих на него и исходящих из него. Эта двусторонняя направленность внутреннего опыта сознания выражается с помощью грамматических конструкций действительного и страдательного залога, например, когда «я слышу» и «мне слышно», когда потоки берут начало из меня и идут вовне и, наоборот, впадают в меня. Указанные потоки сознательной жизни вращаются вокруг центрального Я, но они различаются «близостью» переживания, одни ближе к центру, а другие к периферии. Значит, переживания сознания причастны протяжению и движению души совершаются не только во времени, но и в специфическом «пространстве», не имеющем ничего общего с пространством физики и геометрии. Наряду с топографией физических предметов существует внутренняя «топография души», которая характеризуется «степенью отождествления» чистого Я с конкретным переживанием. Внутренняя топография сознания выстраивается согласно отношению «близости – отдаленности» душевных состояний от нашего Я. Близость и отдаленность помещаются Аскольдовым внутрь когнитивной сферы и в этом состоит его главное преимущество над аналогичными построениями Хайдеггера, который так и не смог преодолеть внешний характер пространственности присутствия. Отношение «близости – отдаленности», перенесенное внутрь сознания, способствовало созданию первой эгологической структуры. Центром этой пространственной структуры является чистое Я, вокруг которого концентрически располагаются пояса близкого и отдаленного внутреннего опыта. Самыми близкими от центра поясами сознания являются эмоции и акты воли. Все они почти сливаются с центральным Я и сплавиваются в единство даже внешние предметы, на которые они направлены. Более отдаленным эгологическим поясом служат мысли. Они составляют своеобразную «проекционную зону», относительно независимую от чистого Я и от внешних восприятий, которые являются самым отдаленным поясом в данной эгологической структуре. Статически представленная здесь структура сознания имеет еще и разные «динамические знаки». Например, в первом, самом близком к чистому Я поясе эмоции входят «в» Я, тогда как акты воли исходят «из» него. В отдаленном поясе чувственных восприятий дело обстоит анало-

гичным образом: имеются внешние ощущения предметов окружающего мира и органические ощущения, исходящие из нашего тела. Однако динамизм эгологических структур явственнее всего проявляется в познавательных процессах, когда обнаруживается различие между «пониманием» и собственным «творчеством», усвоением истины и самостоятельным ее развитием. Чистое Я может быть представлено в виде «трехслойного шара», в котором наблюдаются энергетические перемещения от центра к периферии и обратно.

Таким образом, чистое Я обладает ярко выраженной *вертикальной* природой, оно может попеременно обращаться к поверхности и вновь погружаться в глубины сознания. Причем, усложнение внутренней жизни сознания происходит именно при погружении в глубину, когда чистое Я удаляется от внешнего мира и, сосредотачиваясь в себе, делается более независимым.

Эгология пространственных структур сознания

Сущностная взаимозависимость сознания и пространства проясняется благодаря эгологии, которая предлагает переход *ab exterioribus ad interiora*. Обоснование предложенного тезиса целесообразнее всего осуществить на основе анализа некоторых работ Гуссерля, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемому предмету. Свое фундаментально-феноменологическое рассуждение в *Идеях* он начинает с рассмотрения мира естественной установки и ее выключения. Весьма показателен тот факт, что Гуссерль говорит о мире от первого лица. В результате привычные пространственные характеристики приобретают эгологические наименования, например, «поле моего восприятия», «осознаваемое окружение» и «неясно сознаваемые горизонты» [3, с. 90]. Чистое Я выступает в роли «центра излучения» или в качестве «исходной точки» зрения. Внимание может быть направлено на различные предметности, а внимающий взор представляется в виде «лучей», исходящих из центрального Я [15, р. 26]. Часто наблюдаются двойные лучи вперед и назад – от центра посредством актов к объектам и обратные лучи от объектов к центру.

Отправной точкой эгологического анализа служит рефлексия в силу того, что она не имеет дела с объектами, ее интересуют только способы нашего познания и субъективные условия постижения посредством понятий. Для эгологического исследования важен именно позитивный эгологический остаток – сознание, к сущности которого принадлежит принципиальная возможность рефлексивного поворота взгляда к новому бытийному региону. Этот регион никоим образом не затрагивается процедурами выключения и установления вне действия. Уяс-

нение данного пункта рассуждений означает смену установки. Взгляд теперь обращен к имманентной сфере сознания, к его внутреннему опыту, который не есть реальный пласт, принадлежащий внешнему миру. Между тем, используемые наименования *внутреннего* мира сознания и трансцендентного *внешнего* мира, страдают явной двусмысленностью. Мы легко расправляемся с пространственно-временным миром в смысле физической науки, полностью выводя его из игры, но как нам поступить с «внутренним» миром сознания, если, конечно, все это не метафоры и не риторические фигуры украшения речи? Таким образом, возникает задача предварительного анализа всех *пространственных* характеристик сознания.

В одной из своих работ Виктор Молчанов затронул тему, заслуживающую внимания, и которая представляется перспективной с точки зрения эгологии – вопрос о первичности феномена пространства по отношению ко времени. Здесь его интересовала проблема приоритета, а именно, какое из этих понятий следовало бы считать ведущим, а какое ведомым [5]. Более того, он говорит даже о «смысловом» пространстве. Но у него ничего не сказано о пространственности самого чистого Я, о внутреннем пространстве трансцендентального субъекта. Эгологический анализ не исчерпывается только актуальными моментами жизни сознания. Чистое Я таит в себе имманентные ему потенциальности как *горизонты*, в которых становится ясным то, что подразумевалось только имплицитно. Эту мысль легко проиллюстрировать на примере восприятия объемной геометрической фигуры. Рассматривая ее в одной позиции, мы видим только несколько ее граней, а другие грани от нас скрыты, находясь на заднем плане. Тем не менее, наше целостное восприятие дорисовывает и воссоздает невидимые грани. Если любой объект восприятия имманентен сознанию, то это сознание также должно быть пространственным [17]. Восприятие пространственной вещи есть синтетическое сознание потенциальности предмета и соотнесенных с ним моментальных актов.

В результате осуществления редукции мы достигаем того пункта, где очевидность *ego sum* предстает воочию как оригинальная жизнь сознания со своими открытыми горизонтами и внутренними взаимосвязями. Чистое Я выступает функциональным центром, который везде и нигде, оно есть целое, а не связующее звено между различными горизонтами. Необходимость эгологического исследования чистого Я заставляет осуществить еще один шаг – заключить в скобки время, прошлые и будущие горизонты сознания. Но что остается в результате проведения столь радикальной редукции? Коль скоро не принимается в расчет сам процесс раскрытия потенциальностей и представление

о жизненном процессе исключено, а вместе с ним и всякие ссылки на последовательность времени, то остается непосредственное присутствие действующего Я, но не только. Не стоит забывать, что независимо от временных горизонтов имеются еще и пространственные горизонты сознания. Как быть с ними? Ведь исключение пространственных категорий способно подорвать изнутри порядок самой рефлексии, которая есть способность устанавливать и соблюдать *дистанцию* между Я-субъектом и Я-объектом. Эта своеобразная позиция отстраненности и раздвоенности есть *имманентное* пространство. Ставшая уже классической гуссерлевская диаграмма времени является не более как пространственной конструкцией, которая, и это нужно подчеркнуть, создается не произвольно, а в строгом соответствии с конкретной пространственной данностью мыслящего субъекта.

Пространственные структуры чистого сознания, такие как близость, отдаленность, расстояние или дистанция являются идеальными образованиями, но они не сводимы к «метафорическим пространствам самопознания» [6, р. 237]. В прикладных исследованиях, например, при изучении шизофренического процесса также используется термин «субъективная пространственность» (*spatialite subjective*) [7]. Сама возможность метафорических пространств обусловлена онтологической пространственностью сознания. Например, «широта души» это не только результат воздействия огромной территории на национальный характер, но также и волевое усилие для пространственного расширения. Кроме того, пространственные термины «близости» и «дальности» имеют двойственное значение. В физическом мире управление этими терминами связано с предложением «от», но в сознании близость и отдаленность предметов существуют *для* созерцания. Ведь созерцанию присущи различные ступени ясности. Они могут привести к абсолютной близости, которую следует понимать скорее как полную адекватность созерцания предмету. Гуссерль говорит также о «ступенях очевидностей», когда рассматривает различные уровни обобщений и обосновывает необходимость перехода от вещественных видов сущности к формализованным и категориальным образованиям более высоких ступеней [11, р. 189]. Однако пространственная терминология применима не только к близости и отдаленности объектов, но также и к самому чистому Я. Все переживания соотнесены с ним. Одни, например *cogito*, связаны актуально, а другие переживания составляют его фон или задний план. В первом случае говорится о «близости Я» (*Ichnähe*), а во втором случае соответственно о «дальности Я» (*Ichferne*). Но в том и в другом случае чистое Я есть *точка*, с которой соотносятся все переживания (*Beziehungspunkt*) [12, р. 189]. Иначе говоря, чистое Я является перспек-

тивной точкой направленности, играя фундаментальную роль в связывании переживаний, без нее не может быть ни близости, ни расстояния, они попросту теряют свой смысл.

Таким образом, пространственная аналогия в эгологическом исследовании помогает понять, что получение знаний о предмете возможно только посредством *приближения* к нему. Если мы исходим из этой аналогии, то существует «восходящий ряд» и «идеальное приближение» (*ideele Annäherung*) к окончательному схватыванию предмета [13, р. 106]. Причем такое приближение предмета имеет силу и в том случае, когда предмет не является пространственным. В данном контексте представляется целесообразным ввести различие между *абсолютной* и *относительной* близостью чистого Я. Абсолютная близость – это среда, через которую близость и отдаленность могут впервые появиться. Однако в открывшемся таким образом перспективном горизонте чистое Я само занимает определенную позицию, которая хотя и имеет особый характер как «нулевое положение», но мыслится уже наряду с другими позициями [19, р. 207]. Только в относительном положении чистое Я может стать предметом полноценного эгологического исследования. Тогда как абсолютная позиция делает его недоступным для наблюдения и систематического изучения. Именно из-за этой своей крайней близости к себе самому оно ни структурно, ни содержательно не может возникнуть перед исследовательским взором. Поистине «лицом к лицу лица не видно». В рамках указанной относительной близости чистое Я поначалу выступает как голый *Я-полюс*, не имеющий содержания и не знающий сложения частей в своем явлении. Создается впечатление, что самопознание «не может делить само себя», являясь абсолютным единством по выражению Канта, о чем свидетельствует заключительный пассаж его второй антиномии чистого разума. Впрочем, однозначного ответа у Канта не получается, поскольку при условии внешнего созерцания субъект, по-видимому, обна-

ружил бы свою составленную из частей природу.

Однако в данном пункте возникает опасность гипостазирования взаимосвязанных и чрезвычайно подвижных эгологических элементов. В наибольшей степени этой опасности подвергается чистое Я по причине своего центрального положения. На самом деле, чистое Я не есть фиксированная точка потока, иначе она была бы частью этого потока, отдельным моментом времени. Напротив, я осознанно текучесть переживаний в себе самом, когда рефлексую. Акт саморефлексии есть не что иное, как осуществляющееся «расщепление Я» (*Ichspaltung*), как одновременное пребывание и обращенность взгляда на себя. Совершая рефлексию над собой, я делю себя на верхнее Я актов рефлексии и на нижнее Я, о котором я размышляю. Но далее мы сталкиваемся с рефлексией более высокой ступени. Вообще говоря, сущность каждой рефлексии заключается в том, что она снова допускает более высокую рефлексию и поэтому расщепление Я всегда может совершаться заново [14, р. 263]. Расщепление Я на две части, а также изображение его в виде привычной пространственной модели со своим верхом и низом, фундировано более глубоким феноменом – *субъективной пространственностью*.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что благодаря пространственному расщеплению чистого Я делается плодотворным исследование многочисленных структур субъективности. Чистое Я становится главной темой и самой общей эгологической структурой. Структуры интенционального опыта должны выявляться посредством рефлексии с последующим описанием их взаимозависимости, последовательности и эволюции. Таким образом, внутри сознания могут быть выявлены определенные слои, которые группируются вокруг центрального ядра. Ядро же постигается интуитивно и о нем можно сказать только одно – оно удерживает в единстве все периферийные элементы сознания.

Литература

1. Аскольдов С. А. Гносеология: Статьи. – М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2012. – 200 с.
2. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). – М.: Гнозис, 2001. – 576 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2019. – 489 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2019. – 736 с.
5. Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. – М.: Академический проект, 2015. – 277 с.
6. Frohoff S. (2019) *Leibliche Bilderfahrung. Phänomenologische Annäherungen an Werke der SammlungPrinzhorn*. Dordrecht: Springer-Verlag, 253 p.
7. Grohmann T. (2019) *Corps et monde dans l'autisme et la schizophrénie: approches ontologique en psychopathologie*. Dordrecht: Springer, 255 p.

8. Haro de Serrano A. (2010) Husserl's mereological argument for intentional constitution / *Philosophy, Phenomenology, Sciences. Essays in commemoration of Edmund Husserl*. Dordrecht: Springer, pp. 661–678.
9. Hart J. (2009) *Who one is. Book 1: Meontology of the "I": a transcendental phenomenology*. Dordrecht: Springer, 565 p.
10. Heidegger M. (2006) *Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 445 p.
11. Husserl E. (1981) *Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft*. 2 Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 298 p.
12. Husserl E. (1976) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erster Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 476 p.
13. Husserl E. (1952) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch. Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 426 p.
14. Husserl E. (1956) *Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Kritische Ideengeschichte*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 468 p.
15. Micali S. (2008) *Überschüsse der Erfahrung. Grenzdimensionen des Ich nach Husserl*. Dordrecht: Springer, 243 p.
16. Sedov Y. G. (2016) Remarks concerning the phenomenological foundations of mathematics. *Logical Investigations*. Vol. 22. No. 1, pp. 136–144.
17. Shim M. K. (2017) *Husserl's spatialization of perceptual consciousness / Perception, affectivity and volition in Husserl's phenomenology*. Dordrecht: Springer, pp. 37–56.
18. Stumpf C. (1873) *Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 324 p.
19. Taguchi S. (2006) *Das Problem des 'Ur-Ich' bei Edmund Husserl. Die Fragen nach der selbstverständlichen "Nähe" des Selbst*. Dordrecht: Springer, 266 p.

References

1. Askoldov, S. A. (2012) *Gnoseologiya: Stati* [Epistemology: Articles]. Moscow: House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ., 200 p.
2. Gusserl, E. (2001) *Sobranie sochineniy. T. 3 (1) Logicheskie issledovaniya. T. II (1)* [Collected works. Vol. 3 (1). Logical investigations. Vol. II (1)]. Moscow: Gnosis Publ., 576 p.
3. Gusserl, E. (2019) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. 3rd publ. Moscow: Academic project Publ., 489 p.
4. Kant, I. (2019) *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. Moscow: Eksmo Publ., 736 p.
5. Molchanov, V. I. (2015) *Fenomen prostranstva i proiskhozhdenie vremeni* [The phenomenon of space and the origin of time]. Moscow: Academic project Publ., 277 p.
6. Frohoff, S. (2019) *Leibliche Bilderfahrung. Phänomenologische Annäherungen an Werke der Sammlung Prinzhorn*. Dordrecht: Springer-Verlag, 253 p.
7. Grohmann, T. (2019) *Corps et monde dans l'autisme et la schizophrénie: approches ontologique en psychopathologie*. Dordrecht: Springer, 255 p.
8. Haro de Serrano, A. (2010) Husserl's mereological argument for intentional constitution / *Philosophy, Phenomenology, Sciences. Essays in commemoration of Edmund Husserl*. Dordrecht: Springer, pp. 661–678. (In Engl.).
9. Hart, J. (2009) *Who one is. Book 1: Meontology of the "I": a transcendental phenomenology*. Dordrecht: Springer, 565 p.
10. Heidegger, M. (2006) *Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 445 p.
11. Husserl, E. (1981) *Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft*. 2 Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 298 p.
12. Husserl, E. (1976) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erster Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 476 p.
13. Husserl, E. (1952) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch. Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 426 p.
14. Husserl, E. (1956) *Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Kritische Ideengeschichte*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 468 p.
15. Micali, S. (2008) *Überschüsse der Erfahrung. Grenzdimensionen des Ich nach Husserl*. Dordrecht: Springer, 243 p.
16. Sedov, Y.G. (2016) Remarks concerning the phenomenological foundations of mathematics. *Logical investigations*. Vol. 22. No.1, pp. 136–144. (In Engl.)
17. Shim, M.K. (2017) *Husserl's spatialization of perceptual consciousness / Perception, affectivity and*

volition in Husserl's phenomenology. *Dordrecht: Springer*, pp. 37–56. (In Engl.).

18. Stumpf, C. (1873) Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung. *Leipzig: Verlag von S. Hirzel*, 324 p.

19. Taguchi, S. (2006) Das Problem des 'Ur-Ich' bei Edmund Husserl. Die Fragenach der selbstverständlichen "Nähe" des Selbst. *Dordrecht: Springer-Verlag*, 266 p.

Сведения об авторе:

Юрий Григорьевич Седов, кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальными и экономическими процессами, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия

e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 10.10.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yuri Grigor'evich Sedov, Candidate of Philosophical Sciences, Associated Professor of the Department of Social and Economical Management, The State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russia

e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

The paper was submitted: 10.10.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.